А. Ветуховъ.

ЯЗЫКЪ,

ПОЭЗІЯ и НАУКА.

„Наибольшее сходство языкъ представляетъ съ искусствомъ и наукою, которыя предполагаютъ его существованіе и возникаютъ при его посредствѣ, но, какъ извѣстно, его незамѣняютъ“.

А. Потебня.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., домъ № 17.
1894.

ПРОВ. 1953

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, состоявшемуся въ засѣданіи 12-го октября 1894 года.

Предсѣдатель Профессоръ *М. Дриновъ.*

3660
25

Цѣль настоящей брошюры—пробудить въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ интересъ къ языкознанію, не успѣвшему въ силу различныхъ причинъ пріобрѣсти права гражданства въ широкой публикѣ. Исторія этой науки, ея цѣли, задачи, выводы—цѣнный вкладъ въ сокровищницу человѣческаго знанія—многимъ образованнымъ русскимъ людямъ неизвѣстны еще совершенно или непонятны. Наука эта слишкомъ молода [1]), общественное сознаніе не сжилось съ ней и, въ силу извѣстнаго склада русскаго ума, относится къ ней, какъ ко всякой новинкѣ, предубѣжденно, даже пренебрежительно, надѣляя усердныхъ приверженцевъ ея нелестными кличками («буквоѣдъ, представитель схоластики» и т. п.). Однако, несмотря на эти препоны, языкознаніе быстрыми шагами движется впередъ: за короткое время своего существованія пріобрѣтаетъ названіе науки точной [2]); число послѣдователей ея возрастаетъ и изъ среды ихъ выдвигаются крупные таланты; сознаніе важности изученія исторіи языка успѣло проникнуть въ школу [3]); происхожде-

---

[1]) Первое изслѣдованіе въ этой области, принадлежащее Боппу, вышло въ 1816 году.

[2]) Въ такомъ смыслѣ, какъ напр. физіологія.

[3]) Послѣднія программы и учебные планы Министерства Народнаго Просвѣщенія предписываютъ при изученіи русской литературы останавливаться на исторіи языка.

ніе языка, его роль въ развитіи человѣческой личности и общества, связь между языкомъ и мыслью—вопросы начинающіе занимать въ настоящее время представителей различныхъ наукъ.

Все это придаетъ надежды, что попытка ознакомить въ болѣе-менѣе общедоступной формѣ русское общество съ наиболѣе существенными положеніями лучшаго представителя современнаго языкознанія проф. А. А. Потебни († 29 ноября 1891 г. въ Харьковѣ),—своевременна, а быть можетъ и небезполезна для кого-нибудь, какъ толчокъ къ уясненію и дальнѣйшему развитію личнаго и національнаго самосознанія.

Заготовка матеріала для сравнительнаго языкознанія, вызываемая потребностями самой жизни, началась очень рано. Сосѣдніе народы для взаимныхъ сношеній изучали языки другъ друга—вотъ корень практическаго языкознанія. Основаніе теоретическому изученію языка положили индійскіе жрецы, составившіе для истолкованія религіозныхъ гимновъ первую грамматику санскритскаго языка. Съ теченіемъ времени изученіе отдѣльныхъ языковъ все развивалось, накоплялись богатые запасы сырья, ожидавшіе научной разработки. Межъ тѣмъ естествознаніе совершало другую подготовительную работу: создавало методъ сравнительнаго изученія и изслѣдованія. Такъ постепенно приготовлялась и засѣвалась почва для языкознанія и скоро дала обильные всходы. Новый плодъ на нивѣ науки попалъ на первыхъ порахъ въ разрядъ естествознанія: языкъ—организмъ управляемый физическими и механическими законами; терминологія языкознанія цѣликомъ берется отъ наукъ естественныхъ. Впрочемъ, этотъ періодъ развитія былъ непродолжителенъ. Уже Боппъ сознавалъ разницу между языкомъ и организмомъ; но это было геніальное предвосхищеніе будущаго, не нашедшее себѣ полнаго выраженія при тогдашнемъ состояніи средствъ новой науки. Языкознаніе подчинилось такъ наз. біогенетическому закону: быстро, но послѣдовательно, прошло оно всѣ стадіи развитія, по которымъ проходила мысль человѣческая, создавая науку изъ простого сопоставленія наблюдаемыхъ явленій. Смутная мысль Боппа о духовномъ началѣ въ языкѣ съ теченіемъ времени прояснялась, подготовляя незамѣтно новый взглядъ на языкъ. Выразителемъ

этой новой точки зрѣнія явился В. Гумбольдтъ. Онъ заявилъ, что языкъ не есть нѣчто готовое уже, сдѣланное (ἔργον), а самая дѣятельность (ἐνέργεια), явленіе психологическое, а не физіологическое. Теорія нашла сочувствіе и поддержку въ средѣ лучшихъ европейскихъ ученыхъ; наиболѣе высокой степени развитія достигла она въ трудахъ проф. Потебни.

Въ его изслѣдованіяхъ языкъ—живая, необыкновенно отзывчивая на всѣ запросы мысли дѣятельность, наиболѣе вѣрное отображеніе человѣческой души. Отсюда изученіе исторіи языка—одно изъ средствъ прослѣдить исторію развитія мысли, проникнуть въ тайники души, гдѣ зарождается и прозябаетъ сама мысль.

Для будущихъ работниковъ въ области языка Потебня проложилъ широкую, торную дорогу. Она замѣчена и оцѣнена спеціалистами русскими и иностранными [1]). Но для людей незнакомыхъ съ языкознаніемъ, невѣдомы, конечно, и его перлы; для людей съ слабой филологической подготовкой труды Потебни остаются тоже пока недоступными и по содержанію, и по изложенію. Необыкновенная сжатость, придававшая личному чтенію покойнаго профессора особую красоту и силу; поражающая масса фактовъ, объединенныхъ и подчиненныхъ строгой системѣ; скупость на общія разсужденія,—все это неподготовленнаго читателя сильно смущаетъ. У иного отбиваетъ и безъ того слабую охоту къ языкознанію; другой, не понимая, досадуетъ, негодуетъ и коритъ автора. Послѣднее особенно странно и грустно: вѣдь это все равно, что быть недовольнымъ за подарокъ золотыми имперіалами лишь потому, что ихъ нужно еще мѣнять. Геніи рождаются нечасто, и каждое ихъ слово высоко цѣнится потомствомъ; чѣмъ больше успѣютъ они передать потомству своихъ драгоцѣнныхъ мыслей, тѣмъ высшей благодарной памяти они достойны. Что же касается размѣна оставленнаго этими передовыми умами наслѣдія, онъ не замедлитъ, какъ только послѣднее будетъ признано за цѣнное.

Первая попытка въ этомъ родѣ, написанная живо, мѣстами увлекательно и болѣе-менѣе общедоступно, уже сдѣлана [2]). Къ

---

[1]) См. напр.: а) «Памяти А. А. Потебни», сборникъ изд. въ 1892 г. Харьк. Ист.-Филол. обществомъ; б) «Библіографическіе матеріалы для біографіи А. А. Потебни», собр. Э. А. Вольтеръ. С.-П. 1892 г.

[2]) *Овсянико-Куликовскій* «А. А. Потебня, какъ языковѣдъ и мыслитель». См. ж. «Кіевская Старина» за 1893 г.: іюль, с. 30—46; августъ, с. 269—89; сентябрь, с. 342—63.

сожалѣнію журналъ, въ которомъ она помѣщена, мало распространенъ. Поэтому не лишнимъ считаю извлечь изъ этой обширной статьи болѣе общее; сопоставить толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ авторомъ названной статьи съ выдержками изъ различныхъ сочиненій самого Потебни и вообще воспользоваться изслѣдованіемъ проф. Куликовскаго для возможнаго упрощенія идей Потебни, для уясненія значенія его дѣятельности.

Давая общую оцѣнку дѣятельности покойнаго профессора, Д. Н. Куликовскій говоритъ:

«Истинное и непреходящее значеніе важнѣйшихъ трудовъ Потебни, ихъ глубокая философская основа, ихъ скрытый (подъ чрезмѣрно сжатымъ изложеніемъ) смыслъ, указующій новые пути и указывающій далекія и грандіозныя перспективы мысли,—все это, къ сожалѣнію, еще недостаточно выяснено и не стало достояніемъ мыслящей части общества. Эта сторона хорошо извѣстна лишь немногимъ ученымъ спеціалистамъ,—въ особенности же непосредственнымъ ученикамъ покойнаго профессора, которые были, такъ сказать, свидѣтелями самаго процесса ученаго творчества, такъ какъ многія изслѣдованія Потебни, прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, были прочитаны въ рядѣ университетскихъ курсовъ, обставленныхъ всею роскошью живого изложенія, нерѣдко достигавшаго высотъ художественности» [1]).

«Вся обширная дѣятельность (—Потебни—) не сходила съ философской почвы и представляетъ собою строго-логическое проведеніе цѣльнаго философскаго взгляда на языкъ въ его отношеніяхъ къ мысли... Крайне скупой на слова, разъясненія и отступленія... писалъ (—онъ—) въ родѣ того какъ пишутъ математики. Оттуда между прочимъ и репутація Потебни, какъ ученаго «узкаго», «крайняго спеціалиста», чуть не «буквоѣда», и незначительное распространеніе его идей даже въ той части публики, которая должна была бы знать его труды (филологи различныхъ спеціальностей, учителя русскаго языка, литераторы). Публика и не подозрѣвала, что авторъ «Къ исторіи звуковъ» и другихъ спеціальныхъ и неудобочитаемыхъ книгъ въ сущности и прежде всего—философъ съ очень широкимъ основаніемъ идей, воспитавшій свой умъ, щедро одаренный отъ природы,

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г. іюль, с. 30.

глубокимъ изученіемъ Канта, Гербарда, В. Гумбольдта и др. и стоящій на высотѣ современной философской мысли вообще» [1]).

Задачею своей работы проф. Куликовскій ставитъ: показать, «что собственно доказалъ и открылъ Потебня, облегчить читателю неспеціалисту изученіе хотя бы только важнѣйшихъ трудовъ покойнаго мыслителя» [2]).

Начать такое изученіе естественнѣе всего съ сочиненія «Мысль и языкъ» [3]), одного изъ раннихъ трудовъ, въ которомъ высказаны общія положенія, легшія въ основу дальнѣйшихъ работъ Потебни по языку.

Одно изъ нихъ гласитъ: «Показать на дѣлѣ участіе слова въ образованіи послѣдовательнаго ряда системъ, обнимающихъ отношенія личности къ природѣ, есть основная задача исторіи языка; въ общихъ чертахъ мы вѣрно поймемъ значеніе этого участія, если примемъ основное положеніе, что языкъ есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что онъ не отраженіе сложившагося міросозерцанія, а слагающая его дѣятельность» [4]).

Эта мысль проходитъ красною нитью черезъ всѣ труды покойнаго, потому остановимся на ней подробнѣе.

«Все заставляетъ думать, что и въ языкѣ, какъ и вообще, за исходную точку мысли слѣдуетъ признавать чувственныя воспріятія и ихъ комплексы, стало быть нѣчто весьма конкретное сравнительно съ отвлеченностью общаго качества.

«Какъ теперь правильный ходъ мысли состоитъ въ восхожденіи отъ частнаго къ общему, а потомъ на основаніи этого процесса и въ обратномъ движеніи, такъ было и всегда. Мнѣніе, что первобытное слово всегда обозначаетъ общее качество [5]), основано на смѣшеніи понятій значенія слова и заключеннаго въ немъ представленія и на замѣнѣ перваго вторымъ. Общій законъ языка состоитъ въ томъ, что всякое новое слово имѣетъ представленіе, т. е. что значеніе новаго слова всегда заключаетъ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г.. іюль, с. 32.

[2]) Ib. 33.

[3]) Изд. 2-е Харьковъ, 1892 г.

[4]) «Мысль и языкъ», с. 173.

[5]) Мнѣніе, поддерживаемое многими серьезными учеными, какъ напр. М. Мюллеръ.

въ себѣ одинъ признакъ, общій со значеніемъ ему предшествующимъ. Представленіе есть средство доводить до сознанія новое значеніе, но само оно сознается только тогда, когда направимъ вниманіе на свойства нашего слова. Его можно сравнить съ глазомъ, который самъ себя невидитъ [1]). Оно никогда небываетъ даже временною цѣлью мысли. Оно несуществуетъ до возникновенія новаго слова. Напротивъ общее значеніе слова есть именно то, что сознается въ словѣ и посредствомъ слова. Оно всегда есть цѣль мысли, (хотя и временная, ибо непосредственную цѣнность для насъ имѣетъ только конкретное, и отвлеченія создаются лишь ради разработки конкретнаго и подчиненія его мысли). Какъ скоро общее значеніе есть въ словѣ, то существованіе его нисколько независитъ отъ появленія слѣдующаго слова» [2]).

Для уясненія только что приведеннаго мѣста остановимся на той (болѣе-менѣе вѣроятной) картинѣ, въ которой изображается исторія возникновенія человѣческаго слова.

Человѣкъ, какъ и животное, надѣленъ органами чувствъ, при помощи коихъ набираетъ онъ огромную массу ощущеній. Безсознательно сохраняются они до поры до времени въ какихъ-то незримыхъ, невѣдомыхъ тайникахъ души, этой усыпальницѣ воспринятыхъ нами ощущеній. По требованію памяти являются они на сценѣ сознанія трудно отдѣлимыми одно отъ другого: образъ извѣстнаго предмета воспринимался съ окружающей его обстановкой, съ этой свитой является онъ и на зовъ памяти; поэтому разсмотрѣть самый предметъ—нелегко. Мысль вступаетъ въ борьбу съ этимъ неудобствомъ: отбрасываетъ постепенно ненужное, не относящееся тѣсно къ наблюдаемому предмету или явленію; сопоставляетъ однородное, пытаясь выдѣлить неизмѣнные признаки и создать понятіе, обнимающее всѣ наблюденные предметы или явленія одного вида или рода. Главное орудіе мысли въ этомъ процессѣ—языкъ. До возникновенія языка человѣкъ—въ области духовнаго міра животныхъ; его мысль смутна, неясна: слово закрѣпляетъ мысль, связывая ее съ извѣстнымъ предметомъ, явленіемъ, наблюдаемымъ въ природѣ [3]).

---

[1]) А. А. Потебня писалъ отрицаніе *не* слитно съ глаголами (см. его замѣтку въ «Филолог. Запискахъ» т. XIV, в. VI).

[2]) А. Потебня «Изъ записокъ по русской грамматикѣ». Изд. 2-е, Харьковъ, 1888 г., с. 24.

[3]) Такъ наз. языкъ животныхъ отличенъ отъ человѣческаго: онъ созданъ исключительно чувствомъ и служитъ только для обмѣна настроеніями, даетъ

«Слово—это звуковой комплексъ, служащій знакомъ для выраженія извѣстнаго понятія. Все познаваемое нами представляетъ собою два міра: одинъ—міръ нашихъ представленій, обнимающій собою міръ явленій, какъ мы воспринимаемъ ихъ внѣшними чувствами; другой міръ—мірокъ понятій, представляющій собою какъ бы сокращеніе, экстрактъ міра явленій. Происходитъ это сокращеніе такимъ образомъ: въ нашемъ сознаніи для каждаго даннаго момента есть очень малая сцена, на которой одновременно вмѣщается лишь одно явленіе. Для успѣшной работы мысли нужно представленіе сразу нѣсколькихъ явленій. Вотъ здѣсь и является на помощь понятіе. Въ мірѣ явленій или представленій важную роль играетъ пространство, въ понятіи это пространство и всѣ явленія вытягиваются въ одну геометрическую линію. Здѣсь все имѣетъ форму чистаго времени, или еще иначе: понятіе есть извѣстная связь признаковъ, появляющихся послѣдовательно въ формѣ чистаго времени.

«Міръ понятій извлекается изъ глубины, со дна колодца нашего сознанія. Средствомъ для такого извлеченія служитъ только слово» [1]).

Какъ создано было слово, до сихъ поръ остается загадкой. Съ большей-меньшей степенью вѣроятности о природѣ и возникновеніи слова можно сказать слѣдующее.

Первобытное слово было чѣмъ то въ родѣ нашего междометія, вырвавшагося изъ устъ человѣка при наблюденіи извѣстнаго предмета или явленія; этотъ звукъ, это первое слово повторено было однимъ или нѣсколькими наблюдавшими то же явленіе и жившими въ одинакихъ условіяхъ съ первымъ разорвавшимъ грань безловесности, отдѣляющую животное отъ человѣка. Происходило это, какъ предполагаютъ, такъ же, какъ у начинающихъ говорить дѣтей.

Ребенокъ, положимъ, подъ вліяніемъ боли, причиненной ему извѣстнымъ предметомъ, издаетъ звукъ *вава*; черезъ нѣсколько времени слышитъ онъ повторенный кѣмъ-нибудь другимъ тотъ же звукъ, вспоминаетъ свой прежній звукъ, ощущеніе боли, свя-

---

возможность угадывать состояніе возбужденія; это отнюдь не сознательная дѣятельность для созданія и обмѣна мыслью, возникшая въ силу особенностей человѣческаго духа.

[1]) Изъ университетскихъ чтеній проф. Потебни. Ср. его же «Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка». Харьковъ, 1894 г., стр. 91.

завшееся съ нимъ, и, наконецъ, самый предметъ, вызвавшій боль. Но чтобы междометный звукъ обратился въ слово, онъ долженъ быть понятенъ другимъ, чтобы напр. при звукѣ *вава* мать ребенка удаляла причиняющій боль предметъ. Приведу еще примѣръ. «Ребенку показали въ окнѣ игрушечной лавки статуэтку безобразнаго старика въ очкахъ, читающаго книгу, и сказали при этомъ, что онъ «бу-бу-ба», т. е. онъ читаетъ, произнося такіе звуки... Звуки «бу-бу-ба» сочетались (—въ душѣ ребенка—) съ одновременнымъ впечатлѣніемъ отъ статуэтки и изъ этой ассоціаціи вышло въ теченіе немногихъ слѣдующихъ дней нѣсколько словъ съ тѣми же звуками, словъ, возникновенія которыхъ никакъ нельзя было предвидѣть въ началѣ. Послѣдовательность этихъ словъ была приблизительно такова: нѣчто безобразное и страшное; нѣчто нехорошее, непріятное въ настоящемъ смыслѣ и въ шутку (напр. одинъ знакомый въ очкахъ, котораго ребенокъ зналъ еще прежде и жаловалъ); нѣчто чужое, но не страшное, а безразличное; нѣчто новое, странное, съ переходомъ отъ чужого къ странному, какъ въ странный и étrange=extraneus. Конечно тутъ легко было ошибиться въ толкованіяхъ, но несомнѣнно, что ребенокъ различалъ нѣсколько значеній, т. е. словъ» [1]).

Отсюда уже можно видѣть, что въ словѣ—двѣ стороны: внѣшняя—звуковая, обладающая членораздѣльностью и возможностью быть изображаемой письменными знаками; другая, внутренняя,—значеніе, связываемое съ даннымъ сочетаніемъ членораздѣльныхъ звуковъ. Различаютъ два рода значеній: ближайшее этимологическое, «заключающее въ себѣ только одинъ признакъ», и дальнѣйшее, которое можетъ имѣть множество признаковъ. Первое показываетъ, какъ «представляется человѣку его собственная мысль», какъ доводится до сознанія содержаніе мысли, связанное съ извѣстнымъ звуковымъ комплексомъ [2]); оно называется *внутренней формой* слова и «есть знакъ, символъ, замѣняющій для насъ второе» [3]). Съ однимъ и тѣмъ же звуковымъ комплексомъ можетъ быть соединенъ цѣлый рядъ значеній, новыхъ его от-

---

[1]) «Изъ зап. по русск. грам.» [2], с. 11—12.

[2]) Такъ «образъ стола можетъ имѣть много признаковъ, но слово *столъ* значитъ только простланное (корень—*стл*, тотъ же, что въ глаголѣ *стлать*) и поэтому оно можетъ обозначать всякіе столы, независимо отъ ихъ формы величины, матеріала». («Мысль и языкъ» [2], с. 101).

[3]) «Мысль и языкъ» [2], с. 102.

тѣнковъ, столь разнообразныхъ, сколь различны люди, орудующіе словами; всякое такое значеніе, всякое созданіе новаго оттѣнка будетъ созданіемъ новаго слова.

«Между людьми одного кружка, говоритъ Л. Толстой, или семейства устанавливается свой языкъ, свои обороты рѣчи, даже слова, опредѣляющія тѣ оттѣнки понятій, которые для другихъ не существуютъ. Въ нашемъ семействѣ, между папа и нами братьями, пониманіе это (—т. е. сходство воззрѣній на явленіе—) было развито въ высшей степени... Но ни съ кѣмъ, какъ съ Володей, съ которымъ мы развивались въ одинаковыхъ условіяхъ, не довели мы этой способности до такой тонкости... Напр. у насъ съ Володей установились, Богъ знаетъ какъ [1]), слѣдующія слова съ соотвѣтствующими понятіями: *изюмъ* означало тщеславное желаніе показать, что у меня есть деньги; *шишка* (при чемъ надо было соединить пальцы и сдѣлать особое удареніе на оба *ш*) означало что-то свѣжее, здоровое, изящное, но не щегольское; существительное, употребленное во множественномъ числѣ, означало несправедливое пристрастіе къ этому предмету». (Юность, гл. 29).

«Настоящее живое слово—то, которое вы только что сказали, цодумали, написали. Употребленное другимъ это слово будетъ другое; оно же, употребленное нами въ другое время, при другихъ условіяхъ, будетъ опять инымъ» [2]). Поэтому «*говорить* значитъ актомъ своего индивидуальнаго мышленія прибавлять микроскопическія измѣненія къ тѣмъ, которыя уже накопились милльярдами предшествовавшихъ актовъ мысли» [3]).

Спросятъ, какъ же люди понимаютъ другъ друга и отдѣльный человѣкъ самъ себя въ различные моменты, если слово при всякомъ новомъ употребленіи его получаетъ и новый оттѣнокъ. Въ поясненіе приведу рядъ выдержекъ.

В. Гумбольдтъ передаетъ это свойство слова такъ: «Всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и непониманіе».

Потебня развиваетъ это положеніе: «Слово, взятое въ цѣломъ

---

[1]) Потебня, приводя это мѣсто въ соч. «Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ» (Воронежъ, 1888 г.) на с. 1—2, говоритъ въ поясненіе слѣдующее: «Какъ? Въ общемъ несомнѣнно такъ, что въ первыхъ случаяхъ употребленія слова связь первообразнаго и производнаго значенія была для говорящихъ очевидна».

[2]) Кіевск. Стар. 1893 г.. іюль, с. 45.

[3]) Ib. 46.

какъ совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящаго, апперцепировать содержаніе его мысли. Членораздѣльный звукъ, издаваемый говорящимъ, воспринимаясь слушающимъ, пробуждаетъ въ немъ воспоминаніе его собственныхъ такихъ же звуковъ, а это воспоминаніе посредствомъ внутренней формы вызываетъ въ сознаніе мысль о самомъ предметѣ. Очевидно, что если бы звукъ говорящаго не воспроизвелъ воспоминанія объ одномъ изъ звуковъ, бывшихъ уже въ сознаніи слушающаго, и принадлежащихъ ему самому, то и пониманіе было бы невозможно. Но для такого пониманія нужно не полное, а только частное сліяніе новаго воспріятія съ прежнимъ. При единствѣ человѣческой природы нѣкоторое различіе въ рефлективныхъ звукахъ, издаваемыхъ разными недѣлимыми, не могло мѣшать созданію слова, точно такъ какъ и теперь разнообразные оттѣнки въ произношеніи отдѣльнаго слова, переданнаго намъ прежними вѣками, не мѣшаютъ пониманію. Такъ какъ чувство вообще обуславливается совокупностью личныхъ свойствъ человѣка, то и различіе внутренней формы ономатопоэтическаго (—первобытнаго, междометнаго—) слова должно быть признано a priori; но и оно, подобно разнообразію звуковъ, не переходя извѣстныхъ предѣловъ, не обнаруживаясь замѣтнымъ образомъ въ разницѣ звуковъ, не существуетъ для сознанія и не мѣшаетъ пониманію. Такъ и на послѣдующихъ степеняхъ развитія языка мы понимаемъ сказанное другимъ слово *сильный*, т. е. признаемъ тожество внутренней формы этого слова въ насъ самихъ и въ говорящемъ, потому что и мы, обыкновенно безсознательно, относимъ его къ слову *сила*.

«Что касается до самаго субъективнаго содержанія мысли говорящаго и мысли понимающаго, то эти содержанія до такой степени различны, что хотя это различіе обыкновенно замѣчается только при явныхъ недоразумѣніяхъ... но легко можетъ быть сознано и при такъ называемомъ полномъ пониманіи. Мысли говорящаго и понимающаго сходятся между собою только въ словѣ... Никто не думаетъ въ извѣстномъ словѣ именно того, что другой. Даже если предметъ, о которомъ идетъ рѣчь,—на лицо, полнаго согласія между собесѣдниками не будетъ: «различіе въ чувственныхъ образахъ предмета, зависящее отъ внѣшнихъ условій (различія точекъ зрѣнія и устройства организма), увеличивается въ сильнѣйшей степени отъ того, что новый образъ въ каждой душѣ застаетъ другое сочетаніе прежнихъ воспріятій,

другія чувства, и въ каждой образуетъ другія комбинаціи. Поэтому всякое пониманіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ—вмѣстѣ несогласіе» [1]).

«Общее между говорящимъ и слушающимъ условлено ихъ принадлежностью къ одному и тому же народу [2]). Другими словами: ближайшее [3]) значеніе слова народно, между тѣмъ дальнѣйшее [4]), у каждаго различное по качеству и количеству элементовъ,—лично. Изъ личнаго пониманія возникаетъ высшая объективность мысли, научная, но не иначе какъ при посредствѣ народнаго пониманія, т. е. языка и средствъ, созданіе коихъ условлено существованіемъ языка. Такимъ образомъ область языкознанія народно-субъективна. Она соприкасается съ одной стороны съ областью чисто-личной индивидуально-субъективной мысли, съ другой съ мыслью научной, представляющей наибольшую въ данное время степень объективности» [5]).

По словамъ проф. Куликовскаго, «мысль говорящаго никоимъ образомъ не можетъ перейти въ сознаніе слушающаго цѣликомъ, со всѣмъ аппаратомъ сопутствующихъ ей представленій и съ тѣмъ именно способомъ ихъ сочетанія, какой имѣетъ мѣсто въ сознаніи говорящаго. Слова, сказанныя однимъ, только зажигаютъ мысль другого. Послѣдняя, черезъ посредство услышанныхъ словъ, только настраивается на извѣстный ладъ и начинаетъ сама работать въ этомъ направленіи. Въ результатѣ получается два процесса мысли, движимой языкомъ, изъ коихъ второй есть воспроизведеніе перваго, но не пассивное, а активное, не снимокъ съ него; не простое отраженіе, какъ въ зеркалѣ, а его переработка сообразно силамъ и средствамъ, какія имѣются въ распоряженіи слушающаго» [6]).

---

[1]) «Мысль и языкъ» [2], с. 133—4.

[2]) *Примѣч. Потебни:* «Слово народъ употреблено здѣсь для краткости. Кругъ единства пониманія извѣстнаго слова можетъ быть гораздо тѣснѣе отвлеченнаго понятія «такой то (русскій и пр.) народъ».

[3]) »Составляющее дѣйствительное содержаніе мысли во время произнесенія слова» («Изъ зап. по русск. грам.» [2], с. 8). Ср. выше с. 11.

[4]) Соотвѣтствующее понятію и образу.

[5]) «Изъ зап. по русск. грам.» [2], с. 9.

[6]) Здѣсь мы имѣемъ одно изъ основаній того положенія, которое Потебня въ своихъ лекціяхъ (и отчасти сочиненіяхъ) широко развивалъ, распространяя его со свойственною ему силою обобщенія на различныя сферы психической жизни, между прочимъ примѣняя его къ вопросу о заимствованіяхъ въ языкѣ, въ народной поэзіи, въ искусственной литературѣ, въ наукѣ. Онъ училъ, что заимствованіе напр. иностраннаго слова, литературной формы, научныхъ пріемовъ и т. п. есть особый родъ творчества». (Кіевск. Стар. 1893 г., іюль, с. 44).

Итакъ, жизнь слова состоитъ въ постепенномъ надѣленіи даннаго звукового комплекса все новыми значеніями. По мѣрѣ расширенія круга наблюденій и развитія духовныхъ силъ, человѣкъ подмѣчаетъ все больше сходства и разницы между отдѣльными предметами и явленіями. Плоды его работы мысли находятъ отраженіе въ языкѣ. Онъ назвалъ предметъ извѣстнымъ сочетаніемъ членораздѣльныхъ звуковъ, изображающихъ какой-либо признакъ, свойство предмета, затѣмъ увидѣлъ новый предметъ, нашелъ въ немъ сходство съ преждепознаннымъ и къ этому послѣднему отнесъ старое сочетаніе звуковъ. Признакъ, подмѣченный въ предметѣ и выраженный словомъ, служитъ какъ бы «узелкомъ для памяти»: вспоминая его, человѣкъ припоминаетъ и весь предметъ, и самую картину, какъ создавалось данное значеніе (таковы современныя слова: свѣтлякъ, удавъ, глотка и пр.). Съ теченіемъ времени предметъ и слово его называющее, въ силу частаго появленія ихъ въ мысли одновременно, срастаются настолько, что человѣку уже не нужно вспоминать, какъ установилась между ними связь, прибѣгать къ узелку для памяти, который скоро и забывается. Слово мало-по-малу становится голымъ знакомъ извѣстнаго явленія, понятія, приближающимся къ математическимъ формуламъ; прежній звуковой комплексъ опять можетъ быть употребленъ для созданія новаго значенія. Такъ съ древнѣйшихъ временъ явилось въ языкѣ два рода словъ, (*образныя*, способъ созданія коихъ еще живъ, и *безóбразныя*— съ забытой внутренней формой), лежащіе въ основѣ двухъ теченій мысли: поэтическаго и прозаическаго.

Оба эти процесса: созданіе новыхъ словъ съ живою внутренней формой и забвеніе послѣдней, придающее работѣ мысли быстроту, подвижность и способность отвлеченія, въ языкѣ живутъ рядомъ; сказать гдѣ кончается одинъ и начинается другой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, нѣтъ никакой возможности: люди развиваются неодновременно и неодинаково.

Въ языкахъ неформальныхъ, за исключеніемъ этихъ двухъ процессовъ, творческой работѣ мысли остается созданіе предложеній, состоящее здѣсь въ поставленіи словъ въ извѣстномъ порядкѣ.

Напротивъ для языковъ, обладающихъ грамматическими категоріями, предстоитъ еще длинная и весьма сложная работа, слѣдствіемъ которой является тонкость и точность мысли, выражающейся на одномъ изъ такихъ языковъ.

Русскій языкъ принадлежитъ къ этимъ послѣднимъ. Всегда, но конечно безсознательно, владѣлъ онъ грамматическими разрядами. Чтобы отвлечь ихъ отъ языка, дать имъ названіе и опредѣленіе, нужно продолжительное наблюденіе надъ языкомъ и значительная подготовка ума къ отвлеченному мышленію.

«Моменты вещественный и формальный (—грамматическій—) различны для насъ не тогда, когда говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово предметомъ наблюденія. На мышленіе грамматической формы, какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, которая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ, мысли, а не два, или болѣе, и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе, значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, обходится намъ при пользованіи формальнымъ языкомъ ни во что. По этому свойству сберегать силу арійскіе языки весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова. Нашъ ребенокъ, дошедшій до правильнаго употребленія грамматическихъ формъ, при всей скудости вещественнаго содержанія своей мысли, имѣетъ преимущество надъ философомъ, который пользуется однимъ изъ языковъ менѣе удобныхъ для мысли» [1]).

Свойство всѣхъ великихъ завоеваній человѣческой мысли,— что сначала на нихъ затрачиваются огромныя, упорныя усилія передовыхъ умовъ человѣчества, а впослѣдствіи они становятся легкодоступными даже ребенку,—вполнѣ примѣнимо къ исторіи созданія грамматическихъ категорій.

Человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей, справедливо замѣчали древніе. Трудно было отрѣшаться отъ этого взгляда. На раннихъ ступеняхъ развитія, при слабости критикующей мысли самые свѣтлые умы съ трудомъ выдѣляли себя изъ окружающаго: въ природѣ для нихъ все живо, человѣкообразно. Свои черты характера,

---

[1]) «Изъ зап. по русск. грам.» [2], с. 27.

свойства, качества, образъ мыслей человѣкъ переносилъ на животныхъ, растенія и предметы неорганическаго міра.

Очень рано замѣчена была разница половъ между людьми; въ силу этого все наполняющее природу представлялось первобытному уму раздѣленнымъ на существа мужескаго и женскаго пола [1]); всякій предметъ, для котораго человѣкъ создавалъ имя, слово, облекался въ образъ мужескаго или женскаго существа. Это живо, картинно, какъ и созданіе новаго слова, но слишкомъ долго держитъ мысль на одной точкѣ. Анализъ является и сюда со своей разрушительно-благотворной работой. «Забвеніе живыхъ представленій, нѣкогда связывавшихся съ грамматическими формами, играетъ ту же благотворную роль въ развитіи мышленія, которую выше мы приписали забвенію внутренней формы словъ въ процессѣ образованія понятій... Пока человѣкъ живо и наглядно представлялъ себѣ черты, подсказываемыя грамматической формой слова, онъ тратилъ на одинъ актъ мысли гораздо больше умственной энергіи и времени, чѣмъ теперь, когда онъ ихъ не мыслитъ въ ихъ отдѣльности, а только пассивно воспринимаетъ какъ знаки, какъ фикціи;... примѣрно какъ въ математикѣ иксы, игреки и др. знаки избавляютъ ученаго отъ лишней затраты времени и мысли» [2]).

Постепенно изъ понятія пола выростаетъ категорія грамматическаго рода вмѣстѣ съ зачаточной формой того, что впослѣдствіи стало именемъ (существительнымъ, прилагательнымъ и пр.). Это первичное имя носило въ себѣ зачатки и дѣйствователя, и носителя признаковъ; оно было ближе всего къ нашему причастію. Отсюда развилось имя существительное, получившее значеніе дѣйствователя, проявляющаго силу.

«Существительное первоначально есть признакъ, заключенный (данный, уже готовый) въ чемъ то, опредѣленномъ для мысли и безъ помощи другого слова: бѣлокъ есть бѣлая часть яйца, бѣлая покрытая снѣгомъ гора» [3]). На дальнѣйшей ступени признакъ этотъ перестаетъ быть яснымъ, наконецъ забывается, и существительное конкретное становится названіемъ «опредѣлен-

---

[1]) Слѣды такого міровоззрѣнія находимъ и въ современныхъ русскихъ говорахъ: «кавунъ» и «кавуниха», «дѣжунъ» и «дѣжа», «(бузокъ) бузъ» и «бузина», «дубъ» и «дубина» и пр. Ср. еще пѣсню о гарбузѣ.

[2]) Кіевск Стар. 1893 г., авг с. 271.

[3]) «Изъ зап. по русск. грам.» [2], с. 90.

наго вмѣстителя или вмѣстилища признаковъ, которое недаетъ возможности опредѣлить, какой изъ этихъ признаковъ ближе къ сознанію». Возникаетъ наконецъ и существительное отвлеченное, т. е. названіе «признака, мыслимаго самостоятельно, независимо отъ какого-либо комплекса признаковъ, и представляемаго источникомъ дѣйствія (подлежащее) или предѣломъ дѣйствія, другимъ предметомъ кромѣ подлежащаго, (съ коимъ какъ-либо соприкасается дѣйствіе), дополненіемъ» [1]).

«Сводя эти три опредѣленія существительнаго, съ тѣмъ чтобы получить одно общее, можно возвратиться къ старинному опредѣленію. Общій признакъ существительнаго тотъ, что оно есть названіе грамматической субстанціи, или вещи» [2]).

Качество, свойство вещи, означаемое нами именемъ прилагательнымъ, первобытному уму представлялось особымъ существомъ, пребывающимъ въ другомъ (стѣна бѣла оттого, что въ ней живетъ бѣлизна). На дальнѣйшихъ ступеняхъ прилагательное означаетъ «признакъ, мыслимый не самостоятельно, а въ чемъ-то другомъ» [3]); качество (силу въ спокойствіи) независимо отъ его носителя, но съ намекомъ на него. Этотъ намекъ заключается въ окончаніи прилагательнаго, согласуемомъ съ существительными въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Въ глаголѣ отобразился «признакъ во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица» [4]); сила въ дѣйствіи съ намекомъ (въ окончаніяхъ) на того, отъ кого она проистекаетъ.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ частей рѣчи находится исторія предложенія и его частей: это лишь «двѣ точки зрѣнія (этимологическая и синтактическая) на одинъ и тотъ же психологическій процессъ» [5]).

«Общая форма, въ которую укладывается наша мысль, есть то, что называется въ грамматикѣ предложеніемъ... Самая общая форма человѣческой мысли это та, когда нѣчто, требующее объясненія, относительно новое, относительно трудное,—то, что мы назовемъ грамматическимъ терминомъ *подлежащее*, объясняется

---

1) «Изъ зап. по русск. грам.» [2], с. 92.
2) Ib. с. 92.
3) Ib. с. 91.
4) Ib., с. 84
5) Кіевск. Стар. 1893 г., авг., с. 277.

мыслью, которая намъ прежде до нѣкоторой степени была извѣстна и которую мы назовемъ сказуемое» [1]).

Зародышъ предложенія былъ уже въ первобытномъ словѣ—сужденіи: когда ребенокъ, указывая на солнце, говоритъ «жижа», онъ относитъ созданное имъ изъ наблюденій надъ огнемъ въ печи, на свѣчѣ и пр. понятіе къ новому видимому имъ однородному предмету; это краткое «жижа» содержитъ въ себѣ: «то, что́ я вижу сейчасъ,—жижа». Первичное предложеніе, по всей вѣроятности, заключалось въ поставленіи рядомъ двухъ именъ, связанныхъ общимъ признакомъ: «солнце--огонь» (оба грѣютъ).

Съ измѣненіемъ формъ человѣческой мысли мѣнялся и составъ предложенія; потому дать одно постоянное опредѣленіе предложенія невозможно; можно составить себѣ лишь рядъ частныхъ опредѣленій, установить «типы предложенія для каждой эпохи особо» [2]).

«Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ сродныхъ, по направленію къ нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола. Въ древнемъ языкѣ употребленіе причастія, формы промежуточной между именемъ въ тѣсномъ смыслѣ и глаголомъ, было гораздо обширнѣе, чѣмъ въ новомъ, и причастіе могло имѣть такую степень относительной самостоятельности и предикативности (—т. е. способности быть сказуемымъ), какая въ новомъ возможна лишь въ личномъ глаголѣ и отчасти въ неопредѣленномъ наклоненіи.

«Въ предложеніи древняго языка согласуемость (аттрибутивность) играетъ бо́льшую роль, чѣмъ въ новомъ, въ коемъ согласуемость ограничивается разложеніемъ составного сказуемаго на два предложенія, связанныя союзомъ, образованіемъ дѣепричастія, увеличеніемъ употребленія нарѣчія на счетъ согласуемаго прилагательнаго, случаями замѣны причастія неопредѣленнымъ, замѣною вторыхъ согласуемыхъ падежей несогласуемыми... Во всемъ этомъ видно... стремленіе сосредоточить предикативность въ глаголѣ»... [3]).

Борьба между именемъ и глаголомъ началась въ языкѣ очень давно. «Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы уже въ глубокой древности... Однимъ изъ наиболѣе раннихъ завое-

[1]) *А. А. Потебня.* «Изъ лекцій по т. словесности. Басня, пословица, поговорка», с. 10.

[2]) Кіевск. Стар. 1893 г., авг., с. 277. См. „Изъ зап. по русск. грам.“, с. 77.

[3]) «Изъ зап. по русск. грам.»[2], с. 534—5.

ваній глагола было созданіе... неопредѣленнаго наклоненія», представляющаго въ современномъ языкѣ «какъ бы окаменѣвшую форму дательнаго падежа»; давнымъ давно перестало оно быть именемъ, потерявъ склоненіе, родъ, число, и превратилось сначала въ особую часть рѣчи, въ родѣ современнаго причастія, «а затѣмъ все болѣе и болѣе вовлекалось въ сферу глагольности, пока наконецъ не впитало въ себя характерныхъ глагольныхъ свойствъ—быть сказуемымъ, обозначать дѣятельность въ ея теченіи, намекать на лицо» [1]).

Не останавливаясь на подробностяхъ, скажу лишь, что въ засимости отъ этой борьбы имени и глагола напр., наше современное предложеніе глагольно, т. е. его центръ тяжести—въ глагольномъ сказуемомъ. Подлежащее нерѣдко отсутствуетъ, глаголъ никогда» [2]): связь, замѣняющая сказуемое, въ настоящемъ времени можетъ быть опущена, но въ прошедшемъ она непремѣнно возстановляется, такъ: «онъ (есть) бодръ», но «онъ былъ бодръ», значитъ въ мысли она всегда на лицо.

Всѣ эти явленія совершаются на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, медленно нарождаясь и столь же медленно измѣняясь и сходя со сцены сознанія. Оттого и въ современномъ языкѣ можно еще подмѣчать остатки глубокой старины и по нимъ возстановлять картину прошлаго.

«Прежде созданное въ языкѣ двояко служитъ основаніемъ новому: частью оно перестраивается за-ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частью же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе-менѣе пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ» [3]).

Проф. Куликовскій развиваетъ эту мысль: «Въ языкѣ (какъ и во всемъ, что подлежитъ закону эволюціи) новыя явленія возникаютъ постепенно, и столь же постепенно отживаютъ старыя, такъ что каждый данный моментъ въ исторіи языка представляетъ прихотливую смѣсь стараго съ новымъ. Если мы вырвемъ такой моментъ изъ связи съ другими и будемъ разсматривать

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г., сент., с. 351.

[2]) Ib., авг., с. 277.

[3]) «Изъ зап. по русск. грам.»[2], с. 125.

его отдѣльно, то пожалуй и не разберемъ, что̀ въ немъ старое, отживающее и что̀ новое, нарождающееся. Но стоитъ только взять рядъ моментовъ, обозрѣть явленія языка на большомъ пространствѣ времени и тогда само собою обнаружится, какія изъ нихъ идутъ на убыль, какія развиваются или вновь возникаютъ»[1]).

«Сравнительная исторія языка и есть та наука, которая призвана изслѣдовать эти вѣками обнаруживающіяся метаморфозы языка, оцѣнивать ихъ результаты, и такимъ образомъ изучать эволюцію мысли человѣческой. Эту грандіозную задачу и преслѣдовалъ Потебня въ своихъ синтактическихъ изслѣдованіяхъ»[2]).

Своимъ необыкновенно тонкимъ, проницательнымъ умомъ, при помощи глубокихъ разностороннихъ знаній, покойный профессоръ сумѣлъ по едва примѣтнымъ вѣхамъ найти тотъ путь, которымъ шла человѣческая мысль въ своихъ исканіяхъ болѣе совершеннаго, въ поискахъ за истиной.

Въ сочиненіи «Мысль и языкъ», какъ замѣчено выше, Потебня высказалъ свои основные взгляды на языкъ и языкознаніе; въ болѣе позднемъ трудѣ, «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», примѣнилъ ихъ къ изслѣдованію исторіи русскаго языка, и такимъ образомъ далъ рядъ блестящихъ, яркихъ картинъ изъ исторіи человѣческой мысли.

Переводя добытые Потебней изъ его грамматическихъ изслѣдованій выводы на современный философскій языкъ, получимъ слѣдующее:

«Мысль человѣческая, нѣкогда представлявшая всѣ вещи и процессы, какъ субстанціи, постепенно покидаетъ эту категорію и пріучается отливать полученныя впечатлѣнія въ форму признака и энергіи. Эта эволюція мысли, открытая Потебней, есть сокровенная пружина той невидимой метаморфозы умовъ, которая явно, исторически документально обнаруживается въ смѣнѣ міросозерцаній, въ переходѣ напр. отъ пониманія болѣзни, гнѣва, любви, какъ вещей, существъ, находящихся въ человѣкѣ, къ ихъ пониманію какъ свойствъ и процессовъ,—отъ теорій, въ силу коихъ напр. огонь или число представлялись субстанціями (Гераклитъ, Пиѳагоръ), къ новому взгляду какъ на процессъ (огонь) или отношеніе между вещами (число). Корни сознательнаго мышленія (миѳологическаго, метафизическаго, научнаго) глу-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г., авг.. с. 280.

[2]) Кіевск. Стар. 1893 г., іюль, с. 46.

боко лежатъ въ несознаваемыхъ процессахъ языка. Воззрѣнія, вѣрованія, теоріи суть какъ бы видимыя движенія на поверхности психіи, въ сознаніи,—управляемыя незримыми движеніями, происходящими въ глубинѣ ея, въ сферѣ обыденнаго мышленія, созидаемаго языкомъ и въ немъ воплощающагося. Такъ, современное состояніе языка, характеризующееся субстанціальностью существительнаго—подлежащаго и сосредоточеніемъ предикативности въ глаголѣ, образуетъ психологическое основаніе нашего современнаго теоретическаго мышленія, отмѣченнаго въ одно и то же время характеромъ метафизичности и научности. Новая метафизика, стремясь прозрѣть сущность вещей, скрытую за *явленіями*, представляетъ собою какъ бы сосредоточеніе умственныхъ усилій въ области субстанціальности, подготовленной развитіемъ языка. Научныя направленія нашего времени, не противорѣча въ принципѣ субстанціальности вещей, образуютъ только другой полюсъ тѣхъ же умственныхъ процессовъ, сосредоточиваясь въ сферѣ признаковъ, процессовъ энергіи («явленій»). Метафизикъ мыслитъ въ направленіи, исходная точка котораго есть въ языкѣ существительное — подлежащее; ученый неметафизикъ мыслитъ въ направленіи, исходная точка котораго въ мышленіи грамматическомъ глаголъ—сказуемое. Въ самой положительной наукѣ эти двѣ грамматическія категоріи лежатъ въ основѣ понятій причины и слѣдствія, матеріи и силы. Развитіе понятія *силы* насчетъ понятія матеріи, наблюдаемое въ современномъ научномъ мышленіи, имѣетъ свои психологическіе устои въ эволюціи новыхъ языковъ въ направленіи все большей глагольности предложенія. На тѣхъ же устояхъ зиждется и поворотъ въ мышленіи явленій психическихъ, начиная съ *языка*,— переходъ отъ идеи ихъ субстанціальности къ воззрѣнію на нихъ какъ на процессы или силы» [1]).

Вотъ въ бѣглыхъ чертахъ исторія отвлеченнаго слова, лежащаго въ основѣ научнаго мышленія.

Не менѣе любопытно прослѣдить развитіе поэтическаго слова, образнаго, лежащаго въ основѣ художественно-поэтическаго творчества [2]).

---

[1]) Кіевск. Стар., 1893 г., сент., с. 358—9.

[2]) Къ сожалѣнію въ печатныхъ трудахъ проф. Потебни для этого мало матеріала. Только въ нынѣшнемъ году вышелъ въ свѣтъ посмертный краткій курсъ теоріи словесности, читанный Потебнею на дому и записанный одною изъ

Существенною чертою всякаго вновь созданнаго слова является, какъ не разъ уже упоминалось, образность, свойство влечь за собою картину созданія даннаго значенія. Время отнимаетъ у слова это свойство. Является вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся эти два рода словъ; навсегда ли отнимается у слова образность или временно, и уменьшается ли черезъ это отнятіе количество поэтическихъ элементовъ въ языкѣ.

Пока жива внутренняя форма слова, пока сознается заключенный въ немъ образъ, до тѣхъ поръ слово—«зачаточная форма поэтическаго и вообще художественнаго творчества». Явленіе, о которомъ говоритъ это основное положеніе, ввело въ соблазнъ многихъ даже спеціалистовъ. Оно было ложно понято такъ: если съ теченіемъ времени слова теряютъ свою образность (v. поэтичность) и количество новыхъ словъ не восполняетъ этой потери, очевидно поэзія падаетъ по направленію къ настоящему; «въ былое время поэзіи было больше». Отсюда—старческія мечты о золотомъ вѣкѣ художественнаго творчества въ прошломъ и жалобы на скудость его въ настоящемъ.

Здѣсь кроется рядъ недоразумѣній: въ области поэзіи, какъ во всей духовной дѣятельности человѣка, нѣтъ конца усовершенствованіямъ, нѣтъ предѣла творчеству.

Прежде всего сомнительно, чтобы созданіе новыхъ словъ [1]) когда-нибудь стало незначительнымъ по количеству. По мѣрѣ духовнаго развитія человѣчества, при улучшеніи средствъ наблюденія (микроскопъ, телескопъ и пр.) открываются цѣлые новые міры, не говоря уже о новыхъ сторонахъ и свойствахъ знакомыхъ предметовъ и явленій; познать ихъ человѣкъ можетъ только при помощи новыхъ словъ: таково основное свойство мысли.

Затѣмъ, дѣло усложняется неяснымъ пониманіемъ процессовъ смѣны поэзіи прозою, непониманіемъ связи между отвлеченнымъ и образнымъ мышленіемъ, а вслѣдъ за этимъ и неправильной постановкой главнѣйшихъ вопросовъ художественной критики—

слушательницъ,—«Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка». Харьковъ 1894 г. Книжку эту можно порекомендовать для первоначальнаго ознакомленія со взглядами Потебни на поэзію и ея элементы.

[1]) Не слѣдуетъ только забывать, что старый звуковой комплексъ съ новымъ значеніемъ, какъ доказано Потебней, есть уже новое слово. Обыкновенно новымъ словомъ называютъ лишь новое сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ. Такихъ словъ дѣйствительно мало создается вновь.

о происхожденіи и примѣненіи поэтическаго образа; незнакомствомъ съ исторіей развитія человѣческой мысли; вытекающимъ отсюда преклоненіемъ предъ отвлеченнымъ мышленіемъ и пренебреженіемъ ко всѣмъ другимъ видамъ его.

Попробуемъ, хотя и бѣгло, отвѣтить на эти вопросы словами Потебни.

«Слово только потому есть органъ мысли и непремѣнное условіе всего позднѣйшаго развитія пониманія міра и себя, что первоначально есть символъ, идеалъ и имѣетъ всѣ свойства художественнаго произведенія. Но слово съ теченіемъ времени должно потерять эти свойства, равно какъ и поэтическое произведеніе, если ему дана столь продолжительная жизнь, какъ слову, кончаетъ тѣмъ, что перестаетъ быть собою. То и другое измѣняется не отъ какихъ-либо постороннихъ причинъ, а по мѣрѣ достиженія своей ближайшей цѣли, по мѣрѣ увеличенія въ говорящемъ и слушающемъ массы мыслей, вызываемыхъ образомъ, слѣдовательно, такъ сказать, отъ своего собственнаго развитія лишается своей конкретности и образности» [1]).

«По мѣрѣ того какъ мысль посредствомъ слова идеализируется и освобождается отъ подавляющаго и раздробляющаго ее вліянія непосредственныхъ чувственныхъ воспріятій, слово лишается исподволь своей образности. Тѣмъ самымъ полагается начало прозѣ, сущность коей—въ извѣстной сложности и отвлеченности мысли. Нельзя сказать, когда начинается проза, какъ нельзя точно опредѣлить время, съ котораго ребенокъ начинаетъ быть юношей» [2]).

«Причина превращенія поэтическаго слова въ прозаическое, или слова съ представленіемъ (въ которомъ есть сравненіе), заключается въ расширеніи значенія слова, а самое это расширеніе значенія слова происходитъ при помощи поэтической формы. Эта постоянная смѣна поэтическаго и прозаическаго мышленія идетъ безъ конца и назадъ, и впередъ... Ежеминутно мы нуждаемся въ поэтической формѣ, потому что у насъ въ языкѣ постоянно происходитъ мѣлкое, но въ результатѣ могучее превращеніе поэтическихъ формъ въ прозаическія, и наоборотъ возникаютъ новыя поэтическія, формы изъ прозаическихъ. Для созданія мысли научной поэзія необходима... Гдѣ недостаетъ понятія научнаго, тамъ появляется образъ, слово. Подобнаго рода

---

[1]) «Мысль и языкъ»[2], с. 205—6.

[2]) Ib., с. 223.

поэтическіе отвѣты, необходимость говорить поэтически, проявляется и у людей, стоящихъ на высокой степени научнаго развитія» [1]).

«Роль поэзіи въ человѣческой жизни... синтетическая; она способствуетъ намъ добывать обобщенія и не доказывать эти обобщенія. Поэзія есть дѣятельность сродная научной, параллельная ей» [2]).

«Наука раздробляетъ міръ, чтобы сызнова сложить его въ стройную систему понятій; но эта цѣль удаляется по мѣрѣ приближенія къ ней: система разрушается отъ всякаго невошедшаго въ нее факта, а число фактовъ не можетъ быть исчерпано. Поэзія предупреждаетъ это недостижимое аналитическое знаніе гармоніи міра, указывая на эту гармонію конкретными своими образами, нетребующими безконечнаго множества воспріятій, и, замѣняя единство понятія единствомъ представленія, она нѣкоторымъ образомъ вознаграждаетъ за несовершенство научной мысли и удовлетворяетъ врожденной человѣку потребности видѣть вездѣ цѣльное и совершенное. Назначеніе поэзіи—не только подготовлять науку, но и временно устраивать и завершать невысоко отъ земли выведенное зданіе» [3]).

«Поэтическая дѣятельность есть одинъ изъ главнѣйшихъ рычаговъ въ усложненіи человѣческой мысли и въ увеличеніи быстроты ея движенія... Единственный путь къ тому, чтобы обнять мыслью возможно большее количество явленій и ихъ отношеній состоитъ въ томъ, чтобы ускорить выхожденіе на сцену (—сознанія—) и схожденіе съ нея отдѣльныхъ мыслей, и затѣмъ усилить важность мыслей, помѣщающихся на этой сценѣ. Искусство вообще, и въ частности поэзія, стремится свести разнообразныя явленія къ сравнительно небольшему количеству знаковъ или образовъ, и имъ достигается увеличеніе важности умственныхъ комплексовъ, входящихъ въ наше сознаніе» [4]).

«Поэтическій образъ даетъ намъ... возможность замѣщать массу разнообразныхъ мыслей относительно небольшими умственными величинами... Человѣкъ располагающій сознательно значительнымъ количествомъ поэтическихъ образовъ, располагающій ихъ такъ,

---

[1]) «Басня, пословица»..., с. 124—5.

[2]) Ib., с. 75.

[3]) «Мысль и языкъ»[2], с. 203—4.

[4]) «Басня, пословица»..., с. 97—8.

что они свободно приходятъ ему на мысль, тѣмъ самымъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи огромныя мыслительныя массы»[1]).

Слѣдовательно и поэтическій образъ, впервые возникающій какъ явленіе языка, и его дальнѣйшее развитіе—художественное произведеніе, на равнѣ съ прозой, отвлеченнымъ мышленіемъ служатъ одной и той же цѣли: сгущенію мысли, быстротѣ ея операцій,—цѣли самимъ поэтомъ врядъ ли сознаваемой и преслѣдуемой, но выясняющейся изъ дальнѣйшей жизни образа—изъ его примѣненій.

«Успокоительное дѣйствіе искусства уславливается именно тѣмъ, что оно, связывая между собою явленія, очищая и упрощая мысль, даетъ ея обзоръ, ея сознаніе прежде всего самому художнику, подобно тому какъ успокоительная сила слова есть слѣдствіе представленія образа. Представленіе и идеалъ, разлагая волнующее человѣка чувство, уничтожаетъ власть послѣдняго, отодвигая его къ прошедшему. Необъективированное состояніе души покоряетъ сознаніе, объективированное въ словѣ или произведеніи искусства—покоряется ему, ложится въ основу дальнѣйшей дѣятельности душевной жизни. Отсюда, какъ слово, такъ и художественное произведеніе заканчиваетъ періоды развитія художника, служитъ поворотною точкою его душевной жизни... Искусство есть органъ самосознанія [2]).

«Искусство—языкъ художника, и какъ посредствомъ слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить въ немъ его собственную, такъ нельзя ее сообщить и въ произведеніи искусства; поэтому, содержаніе этого послѣдняго (когда оно окончено) развивается уже не въ художникѣ, а въ понимающихъ. Слушающій можетъ гораздо лучше говорящаго понимать, что скрыто за словомъ, и читатель можетъ лучше самого поэта постигать идею его произведенія. Сущность, сила такого произведенія не въ томъ, что разумѣлъ подъ нимъ авторъ, а въ томъ, какъ оно дѣйствуетъ на читателя или зрителя, слѣдовательно въ неисчерпаемомъ возможномъ его содержаніи. Это содержаніе, проицируемое нами, т. е. влагаемое въ самое произведеніе, дѣйствительно условлено его внутреннею формою, но могло вовсе не входить въ разсчеты художника, который творитъ, удовлетворяя временнымъ, нерѣдко весьма узкимъ потребностямъ своей личной жизни. Заслуга художника не въ томъ

---

1) «Басня, пословица»..., с. 97.

2) «Мысль и языкъ», 2 с. 197—8.

minimum содержанія, которое думалось ему при созданіи, а въ извѣстной гибкости образа, въ силѣ внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержаніе» [1]).

«Одно и то же художественное произведеніе, одинъ и тотъ же образъ различно дѣйствуютъ на разныхъ людей и на одно лицо въ разное время, точно такъ какъ одно и то же слово каждымъ понимается иначе; здѣсь относительная неподвижность образа при измѣнчивости содержанія» [2]).

Жизнь поэтическаго образа, художественнаго произведенія—въ объясненіи имъ, какъ извѣстнымъ, преждепознаннымъ, новаго, невѣдомаго, въ примѣненіи его къ новымъ искомымъ въ расширеніи круга его значеній.

Слѣдовательно, и поэзія и проза служатъ одной общей цѣли: человѣческому самопознанію и познанію міра, вселенной.

Средства, пути, коими шелъ и идетъ къ этой цѣли человѣкъ, различны, хотя основные пріемы одни и тѣже. «Исходная точка, сознательной мысли есть сравненіе... Первое научное объясненіе факта соотвѣтствуетъ положительному сравненію; теорія, разбивающая это объясненіе, соотвѣтствуетъ простому отрицанію» [3]).

Возникъ и развился этотъ пріемъ при помощи языка: дѣйствіе мысли въ возникающемъ словѣ всегда было и остается сравненіемъ двухъ мысленныхъ единицъ—вновь познаваемой и прежде познанной; средствомъ сравненія служитъ признакъ, взятый изъ преждепознаннаго.

На этой исходной точкѣ зиждется познаніе человѣкомъ своего *я* и внѣшняго міра, установленіе цѣльности и гармоніи въ этихъ познаніяхъ. Сравненіе связываетъ между собою разрозненныя явленія, устанавливая постепенно между ними причинную зависимость. Связь эта лежащая, какъ то видно изъ исторіи жизни слова, въ языкѣ,—чисто личная, разрушающаяся по мѣрѣ накопленія свѣдѣній, по мѣрѣ роста человѣчества. «Для народной поэзіи... нѣтъ незаполненныхъ пробѣловъ знанія, нѣтъ тайнъ ни этой, ни загробной жизни. Наука медленно, но неутомимо разрушаетъ эту узкую, но прекрасную цѣльность; она расширяетъ предѣлы міра... но вмѣстѣ уменьшаетъ значеніе извѣстнаго

---

[1]) «Мысль и языкъ»[2], с. 186—7.
[2]) Ib., с. 179—80.
[3]) Ib. с. 216.

по отношенію къ неизвѣстному, представляетъ первое только незначительнымъ отрывкомъ послѣдняго» [1]).

Открывающаяся вновь пропасть невѣдомаго заполняется поэтическими объясненіями, и такъ безъ конца.

Изъ предыдущаго становится очевиднымъ, что завоеванія научной мысли всецѣло опираются и зиждутся на почвѣ умственныхъ усилій многихъ вѣковъ. «Понятія объективнаго и субъективнаго—относительны, и безъ сомнѣнія придетъ время, когда то, что́ намъ представляется свойствомъ самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени» [2]). Значитъ необходимо съ одинаковымъ вниманіемъ изучать разнообразныя формы, виды мышленія, какіе только извѣстны: отжившіе для людей стоящихъ на высотѣ современнаго развитія, но живущіе еще полною жизнью въ слояхъ человѣчества менѣе культурныхъ. Только такимъ путемъ постигается исторія развитія человѣка, исторія его мысли. «Нѣтъ ничего легче, какъ съ высоты, на которую безъ нашей личной заслуги поставило насъ современное развитіе человѣчества, презрительно взирать на все, отъ чего мы уже отошли на нѣкоторое разстояніе» [3]); и нѣтъ ничего легче, при такомъ самомнѣніи, какъ быстро и незамѣтно двинуться назадъ.

Межъ тѣмъ недостатокъ такого отношенія къ явленіямъ мысли, а значитъ и языка, замѣтенъ и у серьезныхъ ученыхъ; яркій примѣръ тому—разнорѣчія по вопросу о такъ называемомъ миѳическомъ мышленіи, находящемся въ непосредственной связи съ разсмотрѣннымъ явленіемъ образности въ языкѣ.

Отличительная черта этой формы мысли заключается въ томъ, что объясняющему образу, имѣющему лишь субъективное значеніе, приписывается дѣйствительное бытіе въ объясняемомъ.

На раннихъ ступеняхъ развитія умъ человѣческій, въ силу скромнаго запаса свѣдѣній и отсутствія навыка къ критикѣ, сопоставляя предметы, явленія, съ позднѣйшей точки зрѣнія разнородныя, свойства одного приписываетъ другому. Эскимосъ называетъ напр. шерстяную одежду, въ которую одѣтъ европеецъ,

---

[1]) „Мысль и языкъ“ [2], с. 205.

[2]) „Мысль и языкъ“ [2], с. 216.

[3]) Ib.

шкурою *неизвѣстнаго* звѣря, обнаруживая въ этомъ названіи достаточную, при его ограниченномъ кругѣ наблюденій, долю анализа.

Этотъ господствовавшій нѣкогда способъ сужденія, весьма распространенный въ народной поэзіи, живетъ въ болѣе тонкихъ формахъ донынѣ. Приведемъ два-три примѣра.

Въ XVI вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, выраженіе «сердце горючее» имѣло чисто вещественный смыслъ. «Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волхвовала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила,—оттого Москва и выгорѣла» [1]). Значитъ, сердце и само обладало свойствами огня и передавало эти свойства предметамъ, бывшимъ съ нимъ въ соприкосновеніи (въ нашемъ случаѣ—водѣ). Очевидно, что начало такого воззрѣнія заключается въ сопоставленіи теплоты огня и сердца, приведшемъ къ приписыванію сердцу признаковъ огня.

Такіе поэтическіе образы, какъ: «Матушка земля кормитъ», «Понявъ соби (—взялъ въ замужество—) паняночку, Въ чистимъ поли земляночку» и пр., для милліоновъ людей нашего времени живая дѣйствительность, т. е. для нихъ земля — живое существо, кормящее насъ, могущее вступать въ бракъ и т. п. У Чувашъ, напр., до послѣдняго времени сохранился обычай въ случаѣ неурожая снаряжать поѣздъ свадебный за «невѣстой-землей». На общественный счетъ одѣваютъ молодого парня, какъ подобаетъ жениху, запрягаютъ нѣсколько повозокъ, куда садится женихъ со всѣми свадебными чинами, и вся процессія отправляется ночью въ поле (ближайшее конечно), гдѣ уродилось много хлѣба. Прибывъ на мѣсто, поѣзжане выходятъ изъ повозокъ; старѣйшій чувашинъ, исполняя роль посаженаго отца, говоритъ, обращаясь къ засѣянному полю: «Вотъ мы пріѣхали къ тебѣ съ красивымъ и умнымъ женихомъ, богатая и дорогая невѣста! Знаемъ, что у тебя нельзя сосчитать богатства, а у нашего жениха оцѣнить нельзя горячность любви къ тебѣ... Такъ полюби и ты, дорогая невѣста, нашего жениха и не откажи въ нашей просьбѣ. Возьми съ собою, дорогая невѣста, все твое приданое съ полей и съ луговъ, изъ лѣсовъ и рѣкъ». Послѣ этого бросаютъ лопатами землю въ повозки и мчатся назадъ. По пріѣздѣ женихъ, обращаясь къ каждой повозкѣ, говоритъ: «Здравствуй, дорогая моя новобрачная, люблю я тебя больше золота, больше

---

[1]) *Соловьевъ* „Исторія Россіи съ древн. временъ“ кн. 2-я, с. 41.

жизни моей; за мою любовь разверни ты свое приданое на нашихъ поляхъ и лугахъ, лѣсахъ и рѣкахъ». Привезенную землю разбрасываютъ по полю. Остатокъ ночи пируютъ [1]).

Къ миѳичности же мысли относится смѣшеніе сцены съ жизнью, наблюдаемое и въ наше время (предубѣжденіе противъ актеровъ, исполняющихъ роли злодѣевъ; случаи убійства фокусника, позволяющаго въ себя стрѣлять изъ «магическаго» ружья, вошедшей въ азартъ публикой и пр.).

Да и научныя теоріи далеко не всегда свободны отъ миѳическаго взгляда на вещи, ибо наука есть отвлеченіе, исходящее непрерывно изъ поэзіи, не вѣдающее дня своего рожденія и кончающееся только со смертью человѣческой мысли. Миѳическіе образы стоятъ на распутьи чистой поэзіи и науки.

Поэзія и наука, образное и отвлеченное мышленіе идутъ объ руку, одно смѣняясь другимъ, помогая другъ другу въ общей работѣ: познаніи человѣческаго *я* и выдѣленіи его изъ всего окружающаго.

Поэтому, отрицать какую-либо изъ основныхъ формъ мышленія значитъ отказываться отъ историческаго взгляда на вещи. Признавать отвлеченность, научный способъ мышленія за единый желательный, истинный и непогрѣшимый — огромное высокомѣріе и ошибка. Для этого нужно быть убѣжденнымъ, что мы достигли кульминаціонной точки развитія, и дальше человѣческая мысль не пойдетъ. Если этого нельзя допустить, нужно предполагать, что со временемъ и *наше*, все таки въ значительной мѣрѣ личное, субъективное, опирающееся не на всю полноту фактовъ, научно-отвлеченное мышленіе будетъ инымъ казаться чѣмъ-то пережитымъ, страннымъ, пожалуй тоже «болѣзнью языка», какъ прозвалъ миѳическое Максъ Мюллеръ.

Останется только на всегда неопровержимымъ, что путемъ образованія отвлеченій была и будетъ поэзія, что существовали и будутъ существовать два пріема мышленія—образный и безобразный, связанные между собою неразрывными узами: болѣзнь и смерть одного влекутъ за собою тѣ же страшныя явленія въ другомъ.

---

[1]) См. „Труды IV археологическаго съѣзда въ Россіи въ 1877 году“ т. II, с. 255—6.

Толки о томъ, что поэзія навсегда отходитъ въ область исторіи, основаны на различныхъ недоразумѣніяхъ, на незнакомствѣ съ общими положеніями языкознанія, на неполнотѣ познаній. Возможенъ ея временный упадокъ, какъ развитой формы искусства, но невозможно ея полное исчезновеніе, какъ особой формы мышленія. Ея зачатки, какъ показано выше, всегда присущи языку и могутъ способствовать возрожденію ея, какъ искусства, ибо смѣна поэзіи и прозы въ языкѣ—корень процвѣтанія поэзіи и науки.

Отсюда ясно значеніе языка для поэзіи и науки: помутнѣніе его, какъ ихъ источника, утрата имъ самобытности должны влечь за собою оскудѣніе духовнаго творчества. Это опаснѣе всякихъ повальныхъ болѣзней, моровыхъ язвъ и пр.: упадокъ языка—предвѣстіе гибели народа, какъ самобытнаго цѣлаго.

Слѣдовательно необходимо беречься этого упадка языка, предотвращать его всѣми мѣрами, тѣмъ болѣе, что и мѣры то эти несложны. Нужно прежде всего основательно изучать родной языкъ, изучать классическихъ нашихъ писателей, пополнять, по ихъ же примѣру, запасъ своей рѣчи изъ неисчерпаемой сокровищницы народнаго языка современнаго, живого [1]), а равно и хранящагося въ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятникахъ; избѣгать словъ, формъ и оборотовъ, которые противорѣчатъ ходу историческаго развитія языка, не наводнять его иностранными словами, да еще въ нерусской формѣ; словомъ стремиться, чтобы въ языкѣ царилъ одинъ тонъ, одинъ духъ, не было глубокой пропасти между языкомъ литературнымъ и народнымъ. Исторія показываетъ, что эпохи сближенія языка литературнаго съ народнымъ были временемъ расцвѣта науки и искусства.

Языкъ непремѣнно національненъ и современные толки о всемірномъ языкѣ (всегда впрочемъ поднимаемые людьми незнакомыми съ языкознаніемъ),—несбыточная мечта, противорѣчащая основнымъ свойствамъ человѣческой мысли. «Черезъ нѣсколько столѣтій, заявляетъ Тардъ въ одномъ изъ своихъ новѣйшихъ сочиненій, явится единый и всемірный языкъ, который будетъ отличаться раціональнымъ характеромъ» [2]), т. е. будетъ жить исключительно отвлеченіями, не отражая личности говорящаго. Межъ тѣмъ неоспо-

---

1) «Разговорный языкъ простого народа... достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій. Альфьери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ». (Пушкинъ).

2) См. «Вопросы философіи и психологіи», кн. II, с. 59.

римо, что ростъ языка, его жизнь основаны исключительно на личномъ началѣ: произнося слово человѣкъ всякій разъ придаетъ ему новый, едва уловимый оттѣнокъ, изъ котораго выростаетъ исподволь новое слово; мысль человѣческая постоянно видоизмѣняется, а вслѣдъ за нею мѣняется и средство ея выраженія: мыслить и сознавать свою мысль безъ языка невозможно.

Нѣтъ, мы на подобныя затѣи не станемъ тратить времени и силъ! Обобщенія будутъ совершаться въ языкѣ своимъ чередомъ и постепенно становиться достояніемъ всего народа, всей націи, страны, человѣчества, но непремѣнно какъ плодъ своеобразныхъ по средствамъ усилій каждой отдѣльной мыслительной единицы. Эти обобщенія составятъ рядъ терминовъ, истинъ, положеній общепринятыхъ и общепонятныхъ, но живого, разговорнаго языка, необходимаго для внутреннихъ потребностей отдѣльной личности, какъ средства развитія и самопознанія, изъ нихъ никогда не выростетъ.

Зная, что «философскія обобщенія такихъ-то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безыменныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ» [1]), будемъ разумно совершать эту безвѣстную, скромную въ настоящемъ, но важную для будущаго работу созиданія языка исподволь, по каплѣ: изъ нея потомство создастъ море знанія. Будемъ всѣми силами стремиться къ очищенію и обогащенію родного языка: въ этомъ залогъ духовной мощи нашего отечества, основа движенія человѣка впередъ. Будемъ помнить знаменательный завѣтъ Тургенева:

«Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса!»

---

[1]) *А. А. Потебня* «Автобіографія», помѣщ. у *Пыпина* въ «Обзорѣ русской этнографіи», т. III, дополн., с. 424